

УДК 821.111.Улисс7Джойс
ББК 83.3 [4Ирл]-2Джойс Дж.

И.В. Сергиенко

ВЛАДИМИР НАБОКОВ О ПОЭТИКЕ ДЖ. ДЖОЙСА

Рассматривается интерпретация творчества ирландского писателя Дж. Джойса писателем Владимиром Набоковым. В центре внимания находится роман Дж. Джойса «Улисс». Анализируется использование автором «потока сознания» героев, вплетение в роман мифологической составляющей и епифаний – как способа передачи скрытых символов и подтекста. Также уделяется внимание особенностям поэтики Джойса в контексте творческого наследия Владимира Набокова: интервью и лекций по зарубежной литературе.

Ключевые слова: *поток сознания, интертекст, модернизм, символ, бессознательное, мифопоэтика, епифания.*

Сергиенко Ирина Владимировна – аспирант факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета
Тел.: 8-918-761-70-50
E-mail: kazekama@mail.ru

Будучи эстетом, категорически не приемлющим разного рода тошнотворные пошлости [Мельников, 2002а, с. 87], Набоков всегда говорил о своей тонкой связи с некоторыми писателями, которые обладали «прекрасным стилем и потрясающей игрой слов» [Там же, с. 46]. В своей знаменитой серии интервью журналисту Роберту Хьюзу он неоднократно упоминал, что «мои величайшие шедевры прозы двадцатого столетия таковы, в приводимой последовательности: «Улисс» Джойса, «Превращение» Кафки, «Петербург» Белого и первая часть сказки Пруста «В поисках утраченного времени» [Там же, с. 226].

Джеймс Джойс (1882 – 1941 гг.) знаменитый ирландский писатель, творчество которого Владимир Набоков оценивал довольно высоко. Многие исследователи творчества Набокова отмечают некоторую схожесть языка с языком Джеймса Джойса. Так, например, в романе «Бледный огонь» есть некоторые переплетения, пусть и несознательные, с романом «Улисс». Мэтр отвергал всяческое сходство или влияние на его творчество произведений ирландского писателя. «Как писатель, Джойс не оказал на меня никакого влияния», – заверит читателей Набоков. – «Тем не менее, не могу не отметить, что "Улисс" возвышается надо всем, что написано Джойсом» [Там же, с. 249].

Сравнения ирландского писателя с великим мастером несколько задевали последнего, тем не менее, Набоков всегда говорил: «Пусть люди обязательно сравнивают меня с Джойсом, но мой

английский – лишь вялое перебрасывание мяча по сравнению с чемпионской игрой Джойса» [Там же, с. 223 – 224]. Уделяющий внимание деталям, которыми наполнен роман, Владимир Набоков писал: «Я верю в значимость конкретной детали; общие идеи в состоянии позаботиться о себе сами. “Улисс”, конечно, божественное произведение искусства и будет жить вечно вопреки академическим ничтожествам, стремящимся обратить его в коллекцию символов или греческих мифов» [Там же, с. 223].

Безусловно, одним из известнейших и наиболее ярких романов Дж. Джойса по праву можно назвать роман «Улисс» (1922). Роман повествует об одном дне из жизни дублинского еврея Леопольда Блума и молодого человека Стивена Дедала. Три части книги, делящейся на восемнадцать эпизодов, должны были, по мысли автора, соотноситься с гомеровской «Одиссеей». Джойс намеренно убрал названия глав, где есть какое-то переплетение со странствиями Одиссея [Гомер, с. 1]. Однако связь романа с древнегреческим эпосом есть, хотя и весьма относительна и построена скорее на обратном.

Прежде всего, следует упомянуть, что Джойс стоит у истоков модернизма, является первым писателем, «бросившим вызов» читателю. Роман «Улисс» написан в форме «потока сознания», что, с одной стороны, делает его более удобным для понимания, а с другой – еще более усложняет. Термин «поток сознания» принадлежит американскому философу У. Джеймсу, который считал, что сознание подобно потоку или ручью, в котором мысли и ощущения, ассоциации и переживания постоянно перебивают друг друга и причудливо переплетаются, подобно тому, что происходит в сновидении [Джеймс, с. 148]. Фактически, весь роман «Улисс» есть многочисленные потоки сознания, организованные, как интертекст. В данном случае его можно представить как совокупность межтекстовых связей, в состав которых входят не только бессознательная, автоматическая или самодовлеющая цитация, но и направленные, осмысленные, оценочные отсылки к предшествующим текстам и литературным фактам [Хализев, URL]. Данное определение применимо, когда речь идет о Блуме и Дедале. Что касается Мэрион, то здесь Джойс показывает так называемое «чистое сознание» – бессознательное, выраженное в потоке сознания в конце произведения. Набоков в интервью Роберту Хьюзу назвал данный прием «ошибкой» [Мельников, 2002, с. 104], считая, что Джойс не смог преодолеть это «затруднение» [Там же]. «К концу "Улисса" словесный поток, без знаков препинания, пытается соответствовать некоему внутреннему языку. Однако люди таким манером не думают», – констатирует Набоков [Там же].

В конце своей книги Джойс отдает Мэрион ведущее место, где представлены мысли героини в виде нескончаемого потока сознания. Говоря о присутствии бессознательного – чистого сознания – можно судить о мыслях жены Блума как о собрании некоторых архетипов и символов. Все они, в форме бессознательного потока, предстают перед читателем. Тем не менее, согласно учениям К.-Г. Юнга о бессознательном, стоит

отметить некоторую тенденцию. Например, героиня затрагивает тему игральных карт: «<...> кроме того моя карта смотрела не в ту сторону а какая была 7-я карта после той 10 пик <...> и еще ссоры 3 дамы и 8 бубен к успеху<...> вышло и 2 красные восьмерки <...> [Джойс, с. 1]. Согласно энциклопедии символики и геральдики, колода карт символизирует структуру мира. Пятьдесят две карты полной колоды – число недель в году, тринадцать карт каждой масти – число лунных месяцев. Красные масти – силы света, черные – силы тьмы. Мэрион упоминает «10 пик», что согласно астрологическому учению означает: «При короле, даме – брачная постель; несбыточные желания, неудачи» [Энциклопедия символики и геральдики]. Пики символизируют как время года – зиму, как время суток – ночь. Фраза «моя карта смотрела не в ту сторону» может говорить о перевернутости масти. Так, если пики расположены в руках игрока острием вниз, это символизирует обманутые надежды [Значение 36 карт. Пики]. Здесь наблюдается некоторая связь надежд и желаний жены Блума с реальностью. Возможно, от брака с Леопольдом, да и от самой жизни Мэрион ожидала чего-то большего. Тот факт, что в конце Блум просит жену приготовить ему на завтрак яйца, возмущает ее. «Ранее завтраком занимался исключительно сам Блум», – пишет Набоков [Набоков, с. 324]. Теперь же, как искупление некой вины за измены, Блум просит приготовить Мэрион. Здесь Джойсом удачно обыгрывается тема яйца, как зарождения жизни [Энциклопедия символики и геральдики]. Согласно принятым архетипам, яйца на завтрак могут выступать как некий символ начала жизни, новой жизни в семействе Блумов.

Возвращаясь к числам в потоке сознания Мэрион, стоит отметить закономерность их использования. Согласно энциклопедии символики и геральдики, число «десять» – основа десятичной системы, основное значение – супружество, брак, рационализированный Эрос, а также завершенный цикл в мифологии. Единица есть мужское начало, ноль – женское [Энциклопедия символики и геральдики]. Как писал Набоков, «... Молли [Мэрион. – И. С.] бодрствует на протяжении сорока страниц. Стиль – непрерывный поток пылающего, лихорадочного, вульгарного сознания довольно истеричной ограниченной женщины...» [Набоков, с. 343]. Тем не менее, через истеричную Молли автор передает целый ряд знаков, зашифрованных среди бессвязности ее мыслей. Здесь и число 8, которое появляется не только в части с картами (8 бубен, красные восьмерки), но и в части с подарками: восьми маках, которые Блум ей прислал, потому что она родилась 8 сентября 1870 г., а свадьба состоялась 8 октября 1888 г., когда ей было восемнадцать [Джойс, с. 1]. В лекции «Джеймс Джойс “Улисс”», Набоков прямо говорит об обилии числа «восемь» в потоке сознания Молли: «Это целый выводок восьмерок» [Набоков, с. 348]. Число восемь, согласно энциклопедии символики и геральдики – женское число. Воплощает целостность, возрождение, восстановление [Энциклопедия символики и геральдики]. Использование Джойсом именно этого числа вполне оправдано – Молли женщина

в полном смысле этого слова, вульгарная, истеричная, возможно навязчивая, но при том с очень сильным женским началом. Число «восемь» в основных значимых датах ее жизни свидетельствует о самых ярких моментах проявления ее женского начала. Это дата рождения (рождение девочки, в будущем – женщины, женщины-матери), свадьба с Блумом, становление Молли как супруги. Восемнадцатилетие Молли – ее «расцвет», возраст, когда девочка из подростка превращается в привлекательную женщину.

Согласно древним легендам и мифам, цветки мака (которые дарит Молли муж Леопольд), символизируют землю (плодородие), сон и забвение [Обухов]. Мифопоэтический образ мака – это знак долгого сна и смерти, цветущего – небывалой красоты, неувядаемой молодости и очарования [Энциклопедия символики и геральдики]. Здесь можно наблюдать еще одну связь романа Джойса с древнегреческими мифами: считается, что мак был сотворен древнегреческим богом Гипносом для Деметры, которая была опечалена пропажей ее дочери Персефоны [Кун, с. 126]. Таким образом, Джойс использует сочетание цифры «восемь» и цветка мака для обозначения красоты и молодости Молли, ее женского начала, символа весны и обновления. Восемь маков, подаренных в восемнадцатилетие говорят о сильном влиянии древнегреческих мифов и знаков на эстетику Джойса. Набоков пишет: «Обращая внимание на детали, Джойс добился совершенства в тонкой игре слов» [Набоков, с. 351]. Автор «Улисса» не использует в потоке сознания других героев аналогичного бессознательного набора знаков и символов, как в мыслях Молли. Поток сознания Стивена, к примеру, более связан и структурирован логически, несмотря на хаотическое движение мыслей. Для примера Владимир Набоков приводит небольшой отрывок из части I, главы I: «Он устремил взгляд искоса вверх, издал долгий, протяжный призывный свист и замер, напряженно прислушиваясь. Белые ровные зубы кой-где поблескивали золотыми крупинками. Златоуст. Резкий ответный свист дважды прозвучал в тишине» [Джойс]. «Стивен видит и слышит, как Бык свистит, чтобы разбудить Хейнса, затем замирает, напряженно прислушиваясь, и Стивен видит золотые пломбы в зубах Быка, блестящие на солнце, – золото, златоуст, красноречивый оратор, оракул Маллиган – на мгновение образ отца Церкви проносится в голове Стивена», – констатирует Набоков [Набоков, с. 358].

В «Улиссе» писатель предстает перед читателем как мифотворец, создающий произвольную модель мира и человека. И, несмотря на относительность связи романа с сюжетами древнегреческих мифов, все же прослеживается определенная сюжетная связь героев «Улисса» и «Одиссеи». Для начала, соотнесенность образов – Блум, как сам Одиссей, Стивен, как сын Одиссея Телемак, и Мэрион, как жена Одиссея Пенелопа. В лекции «Джеймс Джойс “Улисс”», Набоков писал: «Блум – фигура центральная в этом триптихе, Стивен и Мэрион – боковые: книга начинается со Стивена и заканчивается на Мэрион. Уподобляя героев «Улисса» Одиссею, Телемаку и Пенелопе, Джойс с усмешкой создает некую

пародию на человечество» [Набоков, с. 362]. Блум, Дедал и жена Блума – воплощение извечных свойств человека, само человечество, а описанный в романе Дублин – весь мир. Каждый эпизод связан с определенным эпизодом гомеровского повествования. Однако читатель сразу же находит определенные несоответствия. Во-первых, «Одиссея» развернута в пространстве и времени, роман же Джойса ограничен временными и пространственными рамками одного города и одного дня. По одной из версий, герой Гомера был финикийцем, а значит семитом. Герой Джойса – ирландский еврей. Не случайно, по мнению Набокова, выбрана национальность Блума: «Изучая этот вопрос, я обнаружил, что в 1904 году – время действия нашего дублинского романа – количество евреев, проживавших в Ирландии, составляло около четырех тысяч при населении в четыре с половиной миллиона [Набоков, с. 343]. При создании образа Блума в намерения Джойса входило поместить среди коренных ирландцев его родного Дублина кого-то, кто, будучи ирландцем, как сам Джойс, был бы также белой вороной, изгоем, как тот же Джойс» [Набоков, с. 344]. Поэтому он сознательно выбрал для своего героя тип постороннего, тип Вечного Жида, тип изгоя. Одиссей – царь, Блум – рекламный агент. Казалось бы, весьма обычная, ничем не приметная профессия. Набоков выступает категорически против того, чтобы главного героя «Улисса» считали «простаком» и заурядным: «Я возражаю против того, чтобы Блума объявляли заурядным гражданином. Вряд ли сознание обыкновенного гражданина неизменно занято физиологией» [Мельников, 2002а, с. 242]. Пенелопа – символ верности, Мэрион – с точностью до наоборот. В произведении Гомера Одиссей был во многих местах, «странствовал долго», в то время как герой Джойса ограничен пределами. Но это не значит, что хронотоп второго скуднее первого. «Разница в масштабе», – замечает исследователь Набоков [Мельников, 2002б, с. 239]. Свои слова мэтр подтверждает следующим: во время чтения лекций по творчеству Джойса он неизменно приносил с собой наглядный материал – карту Дублина. «Если посмотреть на карту любого города, с его пересекающимися проспектами, улицами, прогулками и тупиками, ассоциация с лабиринтом возникнет сама собой», – писал Набоков [Мельников, 2002а, с. 354].

Джойс неоднократно говорил: «Я хочу транспортировать миф при свете современности» [Хоружий, с. 902]. Здесь стоит отметить, что автор не имел в виду один миф об Одиссее, а мыслил более широко. Так, в «Улиссе» переплелись целый ряд античных и христианских мифов, культурных мифов Европы. Джойс не только использует многочисленные мифы разных стадий культурного развития, но и создает свой собственный. «Это и миф о Дублине как модели современной европейской столицы, миф о его обитателях как типичных современных европейцах», – пишет Набоков [Мельников, 2002б, с. 315].

Образ Шекспира, присутствующий на страницах романа, появляется в повествовании не случайно. В пятнадцатом эпизоде романа есть следующая сцена: Стивен и Блум смотрят в зеркало и вместо своего от-

ражения видят лицо Шекспира [Джойс]. Он возникает перед ними как символ их общности, знак единения. При этом использование в романе шекспировских цитат, аллюзий свидетельствует о «создании некоего фона, с помощью которого показана деградация современного человека», – отмечает С. Романовский [Романовский]. Однако, параллельно шекспировской тематике, в романе важное место занимает тема Гамлета. «Это тема отца и сына, обретение Стивеном некоего духовного родства с Блумом», – пишет исследователь И. Гарин. [Гарин]. В «Улиссе» Джойс старается не только переплести основную сюжетную линию со странствиями Одиссея, но и пытается связать последнего и его странствия с биографией Шекспира. Таким образом, идея Джойса о соединении воедино нескольких линий воплощается в его героях. Его герои создают двойное сплетение – причем сплетение судьбы Шекспира с судьбой Одиссея является ярким примером использования в романе реальных исторических персонажей, что свойственно творчеству модернистов. Жизнь Блума здесь выступает как своеобразная вариация на тему жизни Шекспира. Как замечает Набоков: «Появление в “Улиссе” Шекспира как персонажа выполняет функцию раскрытия образа Стивена как художника» [Набоков, с. 346]. Недаром автор «Лолиты» характеризует Стивена как интеллектуала [Там же, с. 353], в отличие от Блума и его жены: «Блум – интеллектуал наполовину, а Мэрион и вовсе не интеллектуалка, более того, весьма вульгарная особа» [Там же].

В четвертой главе Стивен говорит о Шекспире и утверждает, что великий писатель сам присутствует в своих произведениях. «Он запрягал свое имя, прекрасное имя, Вильям, в своих пьесах, дав его, где статисту, где клоуну, как на картинах у старых итальянцев, художник иногда пишет самого себя где-нибудь в неприметном уголку» [Джойс]. В своей лекции о джойсовском «Улиссе» Набоков выдвигает интересную теорию: Джойс увековечил себя в своем романе [Набоков, с. 367]. Человек в Коричневом Макинтоше, проходящий сквозь произведение, – это сам автор. На протяжении нескольких сцен Человек в Макинтоше то появляется, то исчезает. Он, словно какой-то глас, пытается показать герою что-то важное, что-то дать понять своим присутствием. Однако фраза «Человек в коричневом макинтоше любит женщину, которая уже умерла», вызывает сомнения. Жена Джойса Нора Барнакл была еще жива, поэтому вряд ли автор «Улисса», увековечивший дату их первого свидания в романе (16 июня 1904 г.), пренебрег этим. Теория о том, что Человек в макинтоше мог быть читателем, тоже является весьма сомнительной. Джойс наделил таинственного гостя совсем не универсальными чертами внешности. Последний вариант, который предлагают исследователи творчества Джойса (С. А. Романовский), это случайный человек, бродяга [Романовский]. Однако эту версию тоже можно подвергнуть сомнению. Сцена, где говорят о Человеке в Макинтоше как о Леопольде Хиггинсе, известном поджигателе, разубеждает читателей в случайности появления этого персонажа. Любопытно, что Джойс дал поджигателю в макинтоше такое же имя, как и Блуму – Леопольд. Возможно, это

Альтер-эго, литературный двойник героя «Улисса». Как пишет Набоков, «он [Человек в Макинтоше. – И. С.] как фантом, переходит из одного места в другое, оставляя за собой шлейф тайны» [Мельников, 2002б, с. 245].

Важное место в эстетике Джойса занимала «эпифания». В церковной лексике понятие «эпифания» означает «богоявление» [Руднев, с. 286]. Его Джойс использовал для обозначения моментов наивысшего прозрения человека, напряжения душевных сил, помогающих понять смысл происходящего. «Под эпифанией он подразумевал внезапное раскрытие душевного состояния, проявляющегося в грубости речи... Дело писателя запечатлеть эти эпифании с большой тщательностью, понимая, что сами по себе они очень эфемерны и мимолетны», – пишет С. Хоружий [Хоружий, с. 914]. Эпифании, в понимании Джойса, также, необходимое условие постижения прекрасного, красоты. В романе «Улисс» автор оставляет «эпифанию» на 14-й эпизод, который становится кульминацией романа. Воссоединение Дедала и Блума – это и есть авторская «эпифания», прозрение для каждого из них.

Роман Джойса навсегда вошел в классику мировой литературы, став любимым произведением для миллионов читателей. «Уникальный язык, внимание к деталям и оригинальный сюжет – вот те три "кита", на которых держится мастерство Джойса», – замечал Набоков [Мельников, 2002б, с. 244].

Литература

Гарин И. И. Век Джойса. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. – URL: http://www.modernlib.ru/books/garin_i/vek_dzhoysa/read/ (дата обращения: 15 марта 2013).

Гомер. Одиссея. [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. – URL: <http://www.lib.ru/POEEAST/GOMER/gomer02.txt> (дата обращения: 11 марта 2013).

Джеймс У. Психология. М., 2011.

Джойс Дж. Улисс. [Электронный ресурс]. // Джеймс Джойс. – URL: <http://www.james-joyce.ru/ulysses/ulysses-text.htm#1> (дата обращения: 20 марта 2013).

Значение 36 карт. Пики. [Электронный ресурс]. // Астрология. – URL: <http://www.astroguide.ru/gadaniya/na-kartah/znachenie-36-kart-piki.html> (дата обращения: 19 марта 2013).

Кун Н. А. Мифы Древней Греции. М., 2009. 240 с.

Мельников Н. Г. Владимир Набоков. Интервью 1932 – 1977. М., 2002а.

Мельников Н. Г. Набоков о Набокове и прочем. М., 2002б.

Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1980.

Обухов Я. Л. Символика цвета. [Электронный ресурс] // Видеотон. – URL: http://www.videoton.ru/Articles/sym_color.html (дата обращения: 1 марта 2013).

Романовский С. А. Беседы с «Улиссом». [Электронный ресурс]. // Энциклопедия культур. – Электрон. дан. URL: http://www.ec-dejavu.net/u/Ulysses_Romanovsky.html (дата обращения: 23 марта 2013).

Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М., 1997.

Хализев В. Е. Теория литературы. [Электронный ресурс]. // Электронная библиотека. – URL: http://www.modernlib.ru/books/halizev_v/teoriya_literaturi/read/ (дата обращения: 25 марта 2013).

Хоружий С. С. Комментарии // *Джойс Дж.* Улисс. М., 1993.

Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс] // Краткая энциклопедия символов. URL: [http// http://www.symbolarium.ru/index.php](http://http://www.symbolarium.ru/index.php) (дата обращения: 21 марта 2013).

Юнг К.-Г. Психология бессознательного. М., 1994.